

Научная статья

УДК 94(47).084.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-48-56>

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СДЕРЖИВАНИЕ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ О «НЕМЕЦКИХ ДЕНЬГАХ» БОЛЬШЕВИКОВ: РОЛЬ ВЦИК И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

**Глеб Андреевич
Папилин**

Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия,
glebpapilin@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0001-9473-0332>

Аннотация. В статье исследуется комплекс политических, правовых и информационных мер Временного правительства по преодолению июльского кризиса 1917 года в Петрограде. Целью работы является выявление причин несостоятельности антибольшевистской кампании и последующей быстрой политической реабилитации большевиков. Автор обосновывает тезис о том, что провал репрессий стал следствием нарастающего кризиса институтов власти, а не отсутствия доказательной базы. В ходе исследования установлено, что специфическая конструкция двоевластия и фактическое слияние руководства ВЦИК с кабинетом министров предопределили ответную реакцию на выступление: солидарность революционной демократии возобладала над государственными интересами.

В статье доказано, что сознательное административное торможение следствия прокурором Н. С. Каринским и личное вмешательство А. Ф. Керенского в работу контрразведки парализовали карательный аппарат, превратив уголовное преследование в инструмент политического маневрирования. Автор аргументирует, что подмена гласного судебного процесса кулуарными договоренностями и «бонапартистские» манеры Керенского после июля 1917 г. привели к росту симпатий к большевикам в среде социалистической интеллигенции и рабочих. Результатом работы стал вывод о том, что хаотичные репрессии создали партии ореол мученичества, позволив ей трансформироваться в главного защитника революции. Итогом этой политики стала полная политическая реабилитация большевиков к середине августа 1917 г., что подтверждается результатами выборов в Петроградскую городскую думу. Таким образом, заступничество руководства ВЦИК за свое леворадикальное крыло дезавуировало временную победу государственников и предопределило в дальнейшем большевизацию Советов.

Ключевые слова: Петроград, 1917 год, русская революция, двоевластие, революционная демократия, А. Ф. Керенский, Н. С. Чхеидзе, Б. В. Никитин, В. Д. Бонч-Бруевич, Н. С. Каринский, ВЦИК, контрразведка, РСДРП (б), «июльские дни», Советы, большевизация.

Для цитирования: Папилин Г. А. Политическое сдерживание следствия по делу о «немецких деньгах» большевиков: роль ВЦИК и Временного правительства // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 48–56. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-48-56>

Сведения об авторе: Г. А. Папилин – соискатель, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, 197110 Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7.

© Папилин Г. А., 2026

Scientific Article
UDC 94(47).084.1
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-48-56>

POLITICAL CONTAINMENT OF THE INVESTIGATION IN THE BOLSHEVIKS' "GERMAN MONEY" CASE: THE ROLE OF THE VTSIK AND THE PROVISIONAL GOVERNMENT

Gleb A. Papilin

St. Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia, glebpapilin@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0001-9473-0332>

Abstract. The article examines the set of political, legal, and information measures taken by the Provisional Government to overcome the July 1917 crisis in Petrograd (European Russia). The study aims to identify the reasons for the strategic failure of the anti-Bolshevik campaign and the subsequent rapid rehabilitation of radical forces. The author substantiates the thesis that the failure of purges resulted from a systemic crisis of government institutions rather than a lack of evidence. The study establishes that the specific dual power structure and the effective merger of the VTsIK leadership with the Council of Ministers predetermined the response to the uprising: the solidarity of revolutionary democracy prevailed over national interests.

The article proves that the deliberate administrative obstruction of the investigation by Prosecutor N. S. Karinsky and the personal interference of A. F. Kerensky in the work of counterintelligence paralyzed the punitive machinery, transforming criminal prosecution into a tool of political maneuvering. The author argues that replacing a public trial with a backroom dealing and Kerensky's 'Bonapartist' gestures after July 1917 led to increased sympathy for the Bolsheviks among the socialist intelligentsia and workers. The research concludes that chaotic purges granted V. I. Lenin's party an aura of martyrdom, allowing it to transform into the primary defender of the revolution. This policy resulted in the full political rehabilitation of the Bolsheviks by mid-August 1917, as confirmed by the Petrograd City Duma election results. Thus, the VTsIK leadership's advocacy for its radical-left wing disavowed the temporary victory of the statist and predetermined the success of the Soviets' Bolshevikization.

Keywords: Petrograd, year 1917, Russian Revolution, dual power, revolutionary democracy, A. F. Kerensky, N. S. Chkheidze, B. V. Nikitin, V. D. Bonch-Bruевич, N. S. Karinsky, VTsIK, counterintelligence, RSDLP(b), "July Days", Soviets, Bolshevikization.

For citation: Papilin, GA 2026, 'Political Containment of the Investigation in the Bolsheviks' "German Money" Case: The Role of the VTsIK and the Provisional Government', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 48–56, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-48-56> (in Russ.)

Information about the Author: *Gleb A. Papilin* – PhD researcher, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 7 Petrozavodskaya Street, St. Petersburg, 197110 Russia.

© Papilin G. A, 2026

«Июльские дни» в Петрограде стали одним из самых острых эпизодов политического противостояния в период революции 1917 г. Массовые вооруженные выступления солдат и рабочих, проходившие под лозунгами большевиков, ставили под угрозу само существование системы двоевластия. При этом радикальный антимилиитаризм большевиков создавал в правительственных кругах и в среде умеренной социалистической демократии почву для подозрений в координации их действий со стороны воюющей Германии. Логика политического противостояния неизбежно вела к использованию против оппонентов не только силовых, но и информационных ресурсов. Это дало старт обличительной кампании Временного правительства против большевиков, в которой последние обвинялись в связях с германским генеральным штабом.

Первые действия в этом направлении Временное правительство предприняло ближе к вечеру 4 июля, когда на основании сведений, представленных контрразведкой, были проведены разъяснительные беседы с солдатами запасного батальона Преображенского полка. Изложенная информация произвела на солдат шокирующее впечатление [15, с. 147–148]. Воспользовавшись успехом, Временное правительство направило представителей и в другие полки. Сведения быстро распространились по гарнизону, деморализовав солдат, сочувствовавших выступлению. Политически неискушенной массе не было дела до персонального состава кабинета Временного правительства, но в народе были живы базовые представления о нормах морали, и измена родине во время войны находила непримиримое осуждение в сознании солдат [9, с. 107]. Ситуация привела к тому, что на защиту Таврического дворца стали подтягиваться преображенцы, семеновцы и казаки [11, с. 171]. Когда сутки подошли к концу, поражение антиправительственного выступления стало случившимся фактом.

Утром 5 июля материал о германских связях большевиков был опубликован в правой газете «Живое слово» под заголовком «Ленин, Ганецкий и К о. – шпионы». Хотя сама статья с точки зрения современного исследователя не содержала какой-либо весомой и убедительной информации о деятельности большевиков в интересах германского генерального штаба, на малограмотную, ведомую и политически неискушенную толпу эта прокламация произвела сильное демотивирующее действие. Эффект был усилен и тем, что материалы были массово отпечатаны и расклеены по всему городу. Помимо этого, общий контекст событий привел к тому, что по завершении «июльских дней» антибольшевистские настроения охватили в том числе и интеллигенцию [15, с. 153–154].

Действия правительства на первых порах были весьма решительными: еще 4 июля кабинет направил распоряжение командованию Петроградского гарнизона с требованием провести штурм дворца Кшесинской, который использовался как штаб-квартира большевиков [12, с. 53]. 6 июля ко дворцу подошли войска с артиллерией. Учитывая очевидно неравный расклад сил, большевики оставили дворец без боя. Было издано постановление Временного правительства об аресте и привлечении к судебной ответственности мятежников [4, с. 1]. 7 июля Временное правительство постановило организовать расследование обстоятельств организации восстания прокурору Петроградской судебной палаты.

Реакция большевиков на развязанную кампанию впоследствии вызвала много толков относительно их причастности к инкриминируемым им преступлениям. Большевики резко отказались от дальнейшего выступления, а В. И. Ленин вместе с Г. Е. Зиновьевым скрылись из Таврического дворца практически одновременно с распространением в петроградских полках слуха о связях большевиков с Германией еще во второй половине дня 4 июля. Находясь на нелегальном положении, Ленин и Зиновьев отправили в редакцию газеты внефракционного социалиста

Н. Н. Суханова «Новая жизнь» открытое письмо. Н. Н. Суханов позднее вспоминал о том, как это было нелепо: «Письмо произвело на нас пренеприятное впечатление. Газетная полемика, по существу из подполья, была тут явно ни при чем: дело слишком далеко выходило за ее пределы. Совсем не было охоты судить на основании этого письма, получали ли большевики какие-нибудь деньги через Козловского из-за границы, знали ли авторы письма госпожу Суменсон и т.д. Большевикам можно было бы совсем пренебречь обвинениями и не отвечать на них по существу. Это была бы как-никак линия поведения. Но требовать реабилитации и полемизировать из-за пределов досягаемости – это было совсем странно» [16, с. 5].

Дискуссионным остается вопрос о роли в антибольшевистской кампании А. Ф. Керенского. Если ориентироваться на формальную сторону вопроса, то А. Ф. Керенский принимал прямое и активное участие в организации репрессий. Прежде всего, в 18 часов 4 июля 1917 г. А. Ф. Керенский, будучи в это время на фронте как военный и морской министр отправил телеграмму командующему Петроградским военным округом, в которой приказывал немедленно принять меры по подавлению мятежа и организации следствия для предания виновных суду [7, с. 31]. В этот же день А. Ф. Керенский отправил телеграмму министру-председателю Г. Е. Львову, в которой военный министр, не особо следуя правилам субординации, требовал от правительства «решительного прекращения предательских выступлений, разоружения бунтующих частей и предания суду всех зачинщиков и мятежников» (риторика письма в достаточной мере передает, кто в правительстве Львова был настоящим «хозяином» – Автор). Меры по водворению порядка А. Ф. Керенский требовал произвести «вооруженной силой». В конце телеграммы А. Ф. Керенский добавил: «Необходимо ускорить опубликование сведений, имеющих в руках министра иностранных дел», что в контексте разговора подразумевало сведения о связях большевиков с германским генштабом [13, с. 290].

Имеется стенограмма разговора по прямому проводу А. Ф. Керенского с товарищем военного министра Г. А. Якубовичем, датированная 5 июля. В ней Г. А. Якубович изложил принятые меры по восстановлению порядка и предложил, в частности, разоружить Красную гвардию. А. Ф. Керенский ответил, что предложенный план он «вполне одобряет» и добавил, что помимо прочего «необходимо принять меры в отношении печати... пресечь дальнейшее подстрекательство к бунту и разложению армии... ликвидировать кронштадтскую историю, предъявив требования к немедленной выдаче зачинщиков и восстановлению полного законного порядка». Все эти меры А. Ф. Керенский требовал производить от его имени и «совершенно решительно». В конце разговора А. Ф. Керенский также заявил о «немедленном использовании материала Терещенко» [13, с. 38–41].

В районе 9 вечера 6 июля А. Ф. Керенский прибыл в Петроград. Когда он находился на заседании Временного правительства в штабе Петроградского военного округа на Дворцовой площади, его попросили выступить перед собравшейся на площади публикой. Керенский в свойственной ему манере бросил проклятия в адрес тех, кто «в дни тяжелых испытаний предавал родину» и заверил толпу, что будет беспощадно бороться с анархией и разрушением [6, с. 3]. В ночь на 7 июля вышел приказ военного министра А. Ф. Керенского об аресте «всех лиц, ведущих агитацию словом и путем печати с призывами к насилию, свержению Временного правительства, дезорганизации армии и анархии в стране, а также лиц, агитирующих против наступления и призывающих к неповиновению приказам начальства». В этом же приказе констатировалось, что в Петрограде производятся аресты большевиков, и предлагалось немедленно прекратить выпуск газет «Правда», «Окопная правда», «Солдатская правда» и аналогичные им [13, с. 293].

Однако существуют обстоятельства, заставляющие усомниться в искренности тактики А. Ф. Керенского.

Интересную интерпретацию событий открывают воспоминания начальника контрразведки Петроградского округа Б. В. Никитина. Должность он получил по приказу командующего Петроградским округом генерала Л. Г. Корнилова – известного сторонника сильной государственной власти. В служебной деятельности Б. В. Никитин был близок с начальником штаба округа Ф. И. Балабиным [7, с. 17] и сменившим генерала Л. Г. Корнилова на посту главнокомандующего Петроградским округом генералом П. А. Половцовым [7, с. 100]. Кроме того, Б. В. Никитин находился под протекцией П. Н. Переверзева – прокурора Судебной палаты, а с мая по июль 1917 года – министра юстиции Временного правительства [7, с. 25].

Именно Б. В. Никитин руководил оперативной работой по сбору информации о заграничных связях большевиков. Выявив некоторые важные детали этого сотрудничества, он уже с конца июня 1917 г. планировал арест лидеров партии [7, с. 198]. Согласно его мемуарам именно с его согласия министр юстиции П. Н. Переверзев опубликовал часть информации, добытой сотрудниками контрразведки [7, с. 162].

Первым странным событием в этой цепочке стала отставка министра юстиции П. Н. Переверзева. Было заявлено, что отставка вызвана его недостаточными мерами по борьбе с анархией и несвоевременной публикацией материалов о большевиках, что причинило препятствие дальнейшему расследованию и поимке одной из центральных фигур дела – Я. С. Ганецкого [5, с. 4]. Б. В. Никитин категорически оспаривает эту мотивировку и приводит свои аргументы по существу дела, из которых следует, что опубликованная в прессе часть материала не содержит никаких значимых сведений, которые бы помешали дальнейшему расследованию [7, с. 178]. Но начальник столичной контрразведки был уверен: обличение большевиков так или иначе бросало тень на всю революционную демократию [7, с. 180].

Когда органы контрразведки собрали материалы, достаточные для ареста очередных фигурантов по делу большевиков, они встретили прямое противодействие со стороны ВЦИК и Временного правительства [7, с. 185]. В частности, на правительственном уровне были отменены аресты Л. Д. Троцкого и Ю. М. Стеклова (Нахамке-са) [7, с. 198]. Но когда Б. В. Никитин все-таки доставил Ю. М. Стеклова в штаб для дачи показаний, то через начальника штаба округа Ф. И. Балабина он получил гневное послание от А. Ф. Керенского с требованием передать Ю. М. Стеклова на усмотрение прокурора Судебной палаты. А уже через несколько часов для защиты Ю. М. Стеклова в штаб прибыл сам председатель ВЦИК Н. С. Чхеидзе с двумя членами Бюро ВЦИК. Описывая их появление, Б. В. Никитин пишет: «Кто предупредил и этих об аресте? Откуда они узнали – мне неизвестно» [7, с. 202]. Но за несколько минут до этого Б. В. Никитин получил телефонный звонок от прокурора Судебной палаты Н. С. Каринского, который сообщил, что о Ю. М. Стеклове ему известно, но ввиду чрезмерной занятости вместо него в штаб приедет товарищ прокурора. Очевидно, что единственный, кто мог сообщить Н. С. Каринскому о доставлении в штаб Ю. М. Стеклова, был сам А. Ф. Керенский. Но связать прибытие членов ВЦИК с Н. С. Каринским Б. В. Никитин почему-то не решился.

Между тем, в 1930 г. личный секретарь В. И. Ленина В. Д. Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях воспроизводит интереснейший эпизод. В районе 7 часов вечера 4 июля 1917 г. ему на квартиру позвонил сам прокурор Судебной палаты Н. С. Каринский и сообщил буквально следующее: «Я звоню к вам, чтобы предупредить вас: против Ленина здесь собирают всякие документы и хотят его скомпрометировать политически. Я знаю, что вы с ним близки. Сделайте отсюда какие хотите выводы, но знайте, что это серьезно, и от слов вскоре перейдут к делу» [3, с. 87–88]. С учетом того, что В. Д. Бонч-Бруевича трудно заподозрить в намеренной фальсифи-

кации событий, остается предположить: либо Н. С. Каринский сам сочувствовал большевикам, либо исполнял чье-то поручение сверху. Добавим, что Н. С. Каринский никогда не признавался в симпатиях к большевикам и в эмиграции придерживался антикоммунистических взглядов [2, с. 8].

Б. В. Никитин далее пишет, что в штаб приехал помощник прокурора, посланный Н. С. Каринским. Он со скучающим видом выслушал доклад Б. В. Никитина об уликах против Ю. М. Стеклова, а затем невозмутимо объявил Ю. М. Стеклову, что тот свободен [7, с. 207]. А на следующее утро поступило приказание А. Ф. Керенского: «Главкомандующему арестов по восстанию больше не производить, а право на эти аресты сохранить только за прокурором палаты» [7, с. 208], то есть за Н. С. Каринским.

Б. В. Никитин приводит еще один эпизод, демонстрирующий торможение репрессий против большевиков. 11 июля он через начальника штаба округа Ф. И. Балабина получил следующий приказ А. Ф. Керенского: «Председатель правительства, военный министр приказал немедленно прекратить захваты складов оружия на заводах и разоружение рабочих. Он считает, что сознание народа уже настолько развилось, что граждане поймут разумность требования, и большевики сами добровольно отдадут нам оружие» [7, с. 211]. В условиях, когда именно Керенский был инициатором разоружения Красной гвардии, подобная смена тактики выглядит более чем странно.

В июле 1917 г. фактически реального двоевластия между ВЦИК и Временным правительством не существовало: оба органа власти управлялись одной и той же группой лиц. Ключевые фигуры правительства входили в Бюро ВЦИК, а ВЦИК, в свою очередь, заявлял о безусловном доверии кабинету министров. Такая конструкция обеспечивала согласованный курс во всех направлениях политики. Совершенно естественно, что в действиях советской демократии чувствовалась рука Временного правительства, а в действиях министров – влияние Советов.

Можно допустить, что в разгар июльского восстания А. Ф. Керенский действительно стоял на охранительных позициях, намечая меры по укреплению власти. Однако его репрессивный пыл слишком быстро угас под давлением органа, который всего несколько дней назад под угрозой расстрела отказывался брать власть в свои руки. Очевидно, что Керенский, стараясь придать своему правлению внешние атрибуты сильной власти, в реальности избегал открытого конфликта как с левыми социалистами, так и с консервативными силами. Его идея объединения «всех живых сил страны» диктовала тактику примирения в отношении оппозиционных элементов.

В итоге решительные меры против большевиков не были доведены до конца. Прежде всего, не состоялось публичного судебного процесса с детальным разбором доказательств. Вместо этого 21 июля 1917 г. был опубликован доклад прокурора Судебной палаты Н. С. Каринского с предварительными результатами следствия. С одной стороны, главными виновниками мятежа были объявлены большевики, но с другой – доклад не содержал прямых доказательств их сотрудничества с германским генеральным штабом [12, с. 81]. Поскольку столь тяжкие обвинения долгое время не находили бесспорного подтверждения, общественное мнение стало постепенно смещаться в сторону большевиков.

На сравнительно быструю реабилитацию большевиков в глазах советской демократии повлияла и резкая смена политического вектора А. Ф. Керенского в середине июля. 11 числа он объявил во ВЦИК о подготовке Государственного совещания в Москве, куда был приглашен весь цвет российской «буржуазии», включая крупных промышленников и землевладельцев. Неоднозначную оценку в среде социалистической интеллигенции вызвал и личный жест А. Ф. Керенского: став министром-

председателем, он демонстративно переехал в Зимний дворец, заняв бывшие апартаменты Александра III [1, с. 244]. Более того, новая конструкция власти, выстраиваемая Керенским, полностью игнорировала принцип ответственности министров-социалистов перед решениями Первого всероссийского съезда Советов. Складывалось впечатление, что министр-председатель, на словах объединявший «все живые силы страны», по факту дистанцировался от советской демократии.

В начале августа 1917 г. наметилась тенденция перехода к большевикам членов других социалистических партий [8, с. 387–388]. Настроения в Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов наглядно отразил эсер В. Н. Каплан. Выступая на заседании рабочей секции Совета 18 августа, он констатировал: «В дни 3–5 июля обыватель отшатнулся от революционной демократии. Произошел всеобщий сдвиг вправо. Тогда правительство не могло не прибегнуть к арестам, так как большевиков арестовывала толпа, улица. Совет рабочих и солдатских депутатов тоже в это время не мог бороться против арестов. Приходилось ждать, пока вокруг Советов снова соберутся революционные силы. Теперь такой момент наступил. Революция снова укрепилась, и теперь надо потребовать освобождения незаконно арестованных» [14, с. 2]. Рост популярности большевиков подтвердили и выборы в Петроградскую городскую думу: по количеству поданных бюллетеней они оказались второй фракцией, уступив только эсерам [10, с. 524–525].

Резюмируя вышеизложенное, следует признать, что провал антибольшевистской кампании июля 1917 г. стал следствием системного кризиса институтов власти, а не отсутствия доказательной базы. Информационная атака на лидеров РСДРП(б) обеспечила лишь кратковременный тактический успех, который не был закреплён юридически из-за сознательного административного торможения следствия. Странное двоевластие ВЦИК и Временного правительства создало условия, при которых солидарность революционной демократии возобладала над государственными интересами. Деятельность прокурора Н. С. Каринского и прямое вмешательство советского руководства в работу контрразведки парализовали репрессивный аппарат, превратив уголовное преследование в инструмент политического лавирования.

В итоге подмена гласного судебного процесса кулуарными договоренностями и противоречивая политика А. Ф. Керенского привели к обратной реакции общественного сознания. Хаотичные и непоследовательные репрессии создали большевикам своеобразный ореол мученичества, позволив им трансформироваться из германских агентов в главных защитников революции от бонапартизма власти. К середине августа 1917 г., еще до выступления генерала Корнилова, большевики достигли политической реабилитации и стремительно набирали политическую силу. Таким образом, заступничество меньшевистско-эсеровского руководства ВЦИК I созыва за представителей своего леворадикального крыла, фактически дезавуировало временную победу государственников, а в октябре 1917 г. обернулось против него самого.

Список источников и литературы

1. *Abraham R. Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution.* New York: Columbia University Press, 1987. 503 p.
2. *Акульшин П. В.* Русский интеллигент в эпоху социальных потрясений: Н. С. Каринский (1873–1949) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 12. С. 6–10.
3. *Бонч-Бруевич В. Д.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М.: Федерация, 1930. 412 с.
4. Вестник Временного правительства. 1917. 7 июля (№ 98 (144)).
5. Дело народа. 1917. 8 июля (№ 95).

6. Единство. 1917. 7 июля (№ 93).
7. Никитин Б. В. Роковые годы. СПб.: Питер, 2015. 320 с.
8. Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде: в 2 кн. Кн. 1: На путях к социалистической революции. Двоевластие / отв. ред. А. Л. Фрайман. Л.: Наука, 1967. 454 с.
9. Пайнс Р. Русская революция: авториз. пер. с англ.: в 3 т. Т. 2: Россия завоевана большевиками. М.: Росспэн, 1994. 583 с.
10. Петербургская городская дума, 1846–1918 / отв. ред. Б. Б. Дубенцов, В. А. Нардова [и др.]. СПб.: Лики России, 2005. 541 с.
11. Петров А. И. Н. С. Чхеидзе в июльские дни 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды : материалы Всерос. науч. конф., Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2023 г. СПб.: РГПУ им. Герцена, 2024. С. 164–173.
12. Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: пер. с англ. / общ. ред. и послесл. Г. З. Иоффе. М.: Прогресс, 1989. 416 с.
13. Революционное движение в России в июле 1917 г.: Июльский кризис / отв. ред. Д. А. Чугаев [и др.]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 626 с.
14. Речь. 1917. 20 авг. (№ 195).
15. Соболев Г. Л. Тайна «немецкого золота». СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2002. 480 с.
16. Суханов Н. Н. Записки о революции. Кн. 4: Первая коалиция против революции, 6 мая – 8 июля 1917 г. Берлин; Петербург; М.: Изд-во З. И. Гржебина, 1922. 522 с.

References

1. Abraham, R 1987, *Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution*, Columbia University Press publ, New York.
2. Akulshin, PV 2020, 'Russkiy intelligent v epokhu sotsialnykh potryaseni: N.S. Karinskiy (1873–1949)' (A Russian intellectual in the era of social upheaval: N.S. Karinsky (1873–1949)), *Sovremennaya nauka: aktualnyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnyye nauki* (Modern Science: actual problems of theory and practice", a series of "Humanities"), no. 12, pp. 6–10. (In Russ.)
3. Bonch-Bruevich, VD 1930, *Na boyevykh postakh Fevral'skoy i Oktyabr'skoy revolyutsiy* (At the combat posts of the February and October Revolutions), Federatsiya publ, Moscow. (In Russ.)
4. *Vestnik Vremennogo pravitelstva* 1917, 7 July, no. 98 (144). (In Russ.)
5. *Delo naroda* 1917, 8 July, no. 95. (In Russ.)
6. *Yedinstvo* 1917, 7 July, no. 93. (In Russ.)
7. Nikitin, BV 2015, *Rokovyye gody* (The fateful years), Piter publ, St. Petersburg. (In Russ.)
8. Fraiman, AL (ed.) 1967, 'Na putyakh k sotsialisticheskoy revolyutsii. Dvoyevlastiye' (On the path to Socialist Revolution. Dual power), *Oktyabrskoye vooruzhennoye vosstaniye. Semnadtsatyy god v Petrograde* (The October armed uprising. The year 1917 in Petrograd), book 1, Nauka publ, Leningrad. (In Russ.)
9. Pipes, R 1994, 'Rossiya zavoyevana bolshevikami' (Russia under the Bolshevik regime), *Russkaya revolyutsiya* (The Russian Revolution), vol. 2, Rosspen publ, Moscow. (In Russ.)
10. Dubentsov, BB & Nardova, VA (eds) 2005, *Peterburgskaya gorodskaya дума, 1846–1918* (The Petersburg City Duma, 1846–1918), Liki Rossii publ, St. Petersburg. (In Russ.)
11. Petrov, AI 2024, 'N.S. Chkheidze v iyul'skiye dni 1917 goda' (N.S. Chkheidze in the July days of 1917), *Revolutsiya 1917 goda v Rossii: novyye podkhody i vzglyady: materialy Vseros. nauch. konf.* (The 1917 Revolution in Russia: new approaches and views. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference), 23–25 November 2023, St. Petersburg, RGPU im. Gertsena publ, St. Petersburg, pp. 164–173. (In Russ.)
12. Rabinowitch, A 1989, *Bolsheviki prikhodyat k vlasti: Revolyutsiya 1917 goda v Petrograde* (The Bolsheviks come to power: the 1917 Revolution in Petrograd), trans., afterw., ed. G. Z. Ioffe, Progress publ, Moscow. (In Russ.)

13. Chugaev, DA (ed.) 1959, *Revolyutsionnoye dvizheniye v Rossii v iyule 1917 g.: Iyulskiy krizis* (The revolutionary movement in Russia in July 1917: the July crisis), Izd-vo Akad. nauk SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
14. *Rech* 1917, 20 August, no. 195. (In Russ.)
15. Sobolev, GL 2002, *Tayna «nemetskogo zolota»* (The secret of “German gold”), Neva publ, St. Petersburg, OLMA-PRESS publ, Moscow. (In Russ.)
16. Sukhanov, NN 1922, *Zapiski o revolyutsii. Kniga 4: Pervaya koalitsiya protiv revolyutsii, 6 maya – 8 iyulya 1917 g.* (Notes on the revolution. Book 4: The first coalition against the revolution, May 6 – July 8, 1917), Izd-vo Z. I. Grzhebina, Berlin, St. Petersburg, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 22.04.2026
Одобрена после рецензирования: 01.06.2026
Принята к публикации: 21.09.2026

The article was submitted: 22.04.2026
Approved after reviewing: 01.06.2026
Accepted for publication: 21.09.2026